

ГАЛИНА МИШКИНЕНЕ

Институт литовского языка

Этапы изучения и значение китаба Ивана Луцкевича

Статья посвящена истории исследования замечательного памятника культуры литовских татар — китаба Ивана Луцкевича (первая половина XVIII в.). Сведения о *китабе* как об одной из важнейшей жанровой разновидности рукописного творчества литовских татар появляются в научной литературе в 1915 г., однако они были систематизированы только спустя 100 лет. Основное внимание в статье сосредоточено на этапах изучения китаба И. Луцкевича, а также на содержательных особенностях самой рукописи. На разных исторических отрезках времени изучением рукописи занимались такие ученые, как Иван Луцкевич, Ян Станкевич, Антон Антонович, Галина Мишкинене.

Ключевые слова: литовские татары, китаб, Иван Луцкевич, китабистика, памятники письменности, изучение рукописного наследия ВКЛ.

Первым ученым, описавшим рукопись литовских татар (хамаил)¹, был немецкий востоковед Х. О. Флейшер [Fleischer 1938, 450–451]. Однако, судя по описанию, Х. О. Флейшер ничего не знал ни о литовских татарах, ни об их письменности. Поэтому первооткрывателем письменности литовских татар принято считать профессора кафедры восточных языков Петербургского университета А. Мухлинского, в работах которого приводятся отрывки польских и белорусских текстов, писанных арабским письмом [Мухлинский 1858]. Несмотря на то, что работы А. Мухлинского внесли значительный вклад в изучение истории и письменности литовских татар, к концу XIX–началу XX вв. они были основательно забыты. И лишь с обнаружением Иваном Луцкевичем (1881–1919) татарской рукописи в дер. Сорок Татар (Вильнюсский район) в 1915 г. начинаются интенсивные исследования культурного наследия литовских татар в межвоенный период, который явился периодом национального возрождения татарской общины Литвы.

Настоящая статья посвящена одной из важнейших рукописей татар Великого княжества Литовского (далее ВКЛ) — китабу Ивана Луцкеви-

ча, переписанному в первой половине XVIII в. с более раннего оригинала. Рукопись, хранившаяся до 1945 г. в Белорусском музее им. И. Луцкевича в Вильнюсе и позже переданная Библиотеке Академии наук Литвы, в научный оборот вошла под названием “Китаб И. Луцкевича”, по имени нашедшего ее историка, археолога и известного библиофила. Название рукописи “Китаб И. Луцкевича” нередко вводит в заблуждение неспециалистов, представляя объект изучения — китаб в качестве рукописи, созданной самим И. Луцкевичем. Тем не менее, закрепившееся за рукописью название просуществовало более ста лет и широко известно среди специалистов, поэтому используется и в данной статье.

1. Краткое описание рукописи

По своим жанровым особенностям рукопись причисляется к так называемым китабам. Китабы — одна из жанровых разновидностей рукописей литовских татар. Это объемные сборники, в которые входят тексты различного содержания: основы исламского вероисповедания, предания о жизни и деятельности пророка Мухаммеда, описания обрядов и ритуалов, а также основных религиозных и семейно-бытовых обязанностей мусульман. Нередко в них встречаются библейские легенды, нравоучительные рассказы, иногда даже восточные авантюрные повести.

Впервые полное палеографическое описание рукописи находим в изданном в 2005 г. в Вильнюсе “Каталоге арабскоалфавитных рукописей литовских татар” [Мишкинене, Намавичюте, Покровская 2005, 39–41]. Переписчик и составитель рукописи неизвестен, но написана она рукой одного писца, почерк которого четок и не вызывает трудностей при прочтении². Стиль арабского письма — насх. Рукопись написана традиционными коричневыми чернилами, применявшимися литовскими татарами для написания подобных сборников. Кожаный переплет коричневого цвета с орнаментированным тиснением не скреплен с рукописью, так как в 1956 г. рукопись была реставрирована в Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР в Ленинграде и реставрированные листы оказались значительно больше, чем кожаный переплет.

Датировка рукописи в свое время вызвала немало дискуссий. И. Луцкевич в 1920 г. высказал предположение, что рукопись создана в XVI или в начале XVII в. [Луцкевич 1920, 28–39]. В 30-х гг. Я. Станкевич во всех своих работах без особо веских доказательств утверждал, что это памятник XVI в. [Станкевич 1933; Станкевич 1938, 243–252; 1, 1939, 38–46; 2, 104–112; 3, 171–175]. Во второй половине XX в. А.К. Антонович отметил, что при датировке рукописных книг, не содержащих даты

в тексте, следует ответить на два вопроса: “1. Когда возникли (переведены) входящие в состав сборника тексты? и 2. Когда составлен или переписан сборник?” [Антонович 1968, 52–53]. Исходя из этого и отвечая на поставленные вопросы, А.К. Антонович не исключает возможности, что некоторая часть текстов китаба И. Луцкевича связана своим происхождением с XVI в. Однако для уточнения этого предположения, как далее поясняет ученый, необходимо провести текстологическое исследование всех текстов, входящих в китаб И. Луцкевича, и сравнить их с текстами такого же содержания, имеющимися в других китабах.

Содержание китаба И. Луцкевича, расписанное в упомянутом выше “Каталоге” [Мишкинене, Намавичюте, Покровская 2005, 39–41], позволяет характеризовать его как своеобразное руководство к действию, используемое литовскими мусульманами. Собранные в рукописи тексты содержат ценнейшие указания, которыми руководствовалась местная татарская община как при исполнении религиозного долга, так и в быту, в повседневной жизни.

Перечислим вкратце (не претендуя на полноту описания) основные темы и моменты, отраженные в анализируемом памятнике письменности³:

1. В китабе изложены основы ислама, и мы получаем представление о том, как его воспринимали татары ВКЛ. Это своеобразный мусульманский катехизис, содержащий информацию об основных мусульманских праздниках, о святых месяцах, днях и ночах, о посте Рамазан, о молитвах, о значении намаза как разговора с самим Господом Богом и т.п.
2. В текстах содержится также моральный кодекс, включающий в себя основные обязанности мусульман, регламентирующий их отношение к сиротам, вдовам, пожилым людям, говорящий об уважении к родителям, соседям и ученым людям, о гостеприимстве, о хороших и плохих поступках, о тех, кто достоин рая, и заслуживших ад, о семейных отношениях, о вреде пьянства и т.д.
3. Через тексты раскрывается понимание и дается трактовка Св. Писания: ниспосланные четырем пророкам книги, символика чисел Св. Писания и отдельных его частей.
4. Тексты знакомят читателя с мусульманской этиологией и агиографией: сотворение мира, сотворение разума, описание жизни и смерти пророка Мухаммеда, разговор Мухаммеда с шайтаном, рассказ о матери Иисуса Марии (Марйам).
5. В текстах находим сведения из области демонологии и ангелологии: что любит и чего боится шайтан, об ангелах, которые охраняют людей.

6. В китабе представлены тексты, связанные с мусульманской обрядностью и традицией: обряд похорон, раздача милостыни, значение завещания, пагубность гадания.

Большинство текстов, входящих в состав китаба И. Луцкевича, встречается во многих других китабах, язык которых значительно отличается от языка рассматриваемой рукописи. Для установления диалектной принадлежности первоначального текста, как верно подметил профессор А. Антонович, очень важно провести текстологические исследования всех входящих в состав рукописи текстов. На данном этапе изучения татарских рукописей в нашем распоряжении имеется 11 списков “Диалога шейтана с Мухаммедом”, 8 списков легенды Мираддж, начаты сопоставительные исследования текста “Погребального обряда” [Мишкинене, Темчинас 2013, 211–230; Mişkinienė 2011, 225–241; Мишкинене 2013, 99–119; Мишкинене 2014а, 301–324; Мишкинене 2014в, 365–439].

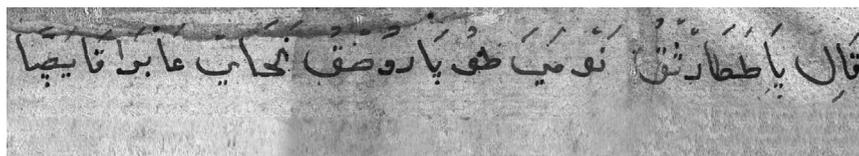
Содержание сохранившейся части китаба И. Луцкевича идентично содержанию китаба Абрагама Карицкого (XIX в.) со страницы 97 по страницу 326 (нумерация страниц при чтении справа налево). И хотя, по всей вероятности, именно китаб И. Луцкевича был тем источником, с которого делалась копия, по крайней мере, этой части китаба А. Карицкого, композиция частей текста в конце китаба А. Карицкого несколько иная. После истории “О Марйам” (243–248) фрагменты текста следуют в таком порядке: “О вознесении пророка на небеса — Мираддж-наме” (249–305), “О сотворении мира” (306–317), “О смерти Мухаммеда” (317–321), “О споре Мекки с Мединой” (321), “О сотворении разума” (321–325), “О ворожбе” (325–326). Если предположить, что утраченная часть китаба И. Луцкевича также совпадала с китабом А. Карицкого, то в первом недостает около 92 страниц. Поэтому неслучайно в первую очередь был проведен цикл сопоставительных исследований общих текстов китабов И. Луцкевича и А. Карицкого. В указанных кодексах совпадает 46 из 98 условно выделенных тематических блоков (с 30 по 76).

Кроме текста “Погребального обряда” [Мишкинене 2014б, 325–364], для анализа были отобраны композиционно несимметричные сказания в конце обеих рукописей: “О Марйам”, “О сотворении мира”, “О смерти Мухаммеда”, “О споре Мекки с Мединой”, “О сотворении разума” и текст “О ворожбе” [Мишкинене 2014в, 365–439]. Сопоставительный анализ шести общих сказаний китабов И. Луцкевича и А. Карицкого показал, что эти тексты хотя и близки друг другу, но не идентичны. Они различаются как в плане языка, так и в отношении структуры текста. В

ходе исследования был выявлен круг рукописей, содержащих сказания “О Марйам”, “О сотворении мира”, “О смерти Мухаммеда”, “О споре Мекки с Мединой”, “О сотворении разума” и “О ворожбе”. В дальнейшем этот установленный круг рукописей позволит продолжить текстологическую работу и указать вероятный протограф или, по крайней мере, установить взаимоотношения текстов. Разыскания в области текстологии славяноязычных арабографических рукописей, безусловно, расширят наши представления о творчестве литовских татар XVII–XX вв.

2. Киша И. Луцкевича как объект исследования

Выбор рукописи в качестве объекта исследования обусловлен несколькими причинами. Во-первых, с обнаружением И. Луцкевичем киша в дер. Сорок Татар (Вильнюсский район) в печати появляются сообщения о рукописях литовских татар, которые, в свою очередь, способствовали активизации исследований в этой области. Во-вторых, языковые и фактические данные рукописи позволяют предполагать, что анализируемый текст создавался в то время, когда процесс языковой ассимиляции татар еще не завершился, но среди татар уже были лица, не знающие языка своих предков и использующие язык инационального окружения в качестве родного, ср. свидетельство из киша:

“кали па тетарску невмейе тō па рўску нехай ‘абракайейџа” (866–87а).

Это, в свою очередь, делает особо значимыми содержащиеся в памятнике языковые свидетельства. И, наконец, в связи с тем, что содержание киша чрезвычайно богато и разнообразно, рукопись можно считать своеобразной энциклопедией жизни мусульман ВКЛ.

Киша Ивана Луцкевича с момента его обнаружения был введен ученым в научный оборот в сборнике, изданном в Литве [Луцкевич 1920]. К статье И. Луцкевича был приложен белорусский текст пятидесяти начальных строк легенды “Мирадж”. В 1918 г. рукопись находилась на выставке в Минске [Антонович 1968, 33]. На информацию И. Луцкевича несколькими статьями откликнулся Е. Карский [Карский 1921; 1922]. Приведенные в статье И. Луцкевича тексты использовал М. Гарецкий в своих книгах “Гісторыя беларускае літэратуры” [1921, 40–42] и

“Хрыстаматыя беларускае літэратуры” [1923, 49]. И в дальнейшем во многих статьях, посвященных истории и культуре литовско-польских татар, в качестве иллюстративного материала появлялись отрывки текста “Мирадж”, повествующего о вознесении пророка Мухаммеда на небеса и ставшего классическим примером для демонстрации особенностей содержания арабографичных рукописей ВКЛ [Вольский 1927; Ластоўскі 1926]. Ян Станкевич и Мария Тауэрова были первыми исследователями, которые, основываясь на принципах научной транскрипции, сделали попытку интерпретировать рукопись и ознакомили польских читателей с отрывками текстов, а также с популярной легендой “Мирадж” из китаба И. Луцкевича [Станкевіч 1924; Станкевіч, Таўэрава 1925; Stankevič 1933–1934]. Я. Станкевич планировал издать серию трудов, посвященных языку китаба И. Луцкевича, однако в вышедшей в 1954 г. в Нью-Йорке книге “Mova rukapisu Al Kitab” описал лишь фонетические особенности, отраженные в памятнике [Stankevič 1954]. Выводами исследований Я. Станкевича не могли воспользоваться другие ученые, работающие с арабографичными рукописями литовских татар, так как разработанные автором принципы транскрипции не всегда точно отражали языковые особенности рукописи. Многие языковые формы, как фонетические, так и морфологические, иногда искусственно сближались с белорусским языком. Кроме того, во многих случаях издатели сознательно меняли фонетический облик слова, а иногда вводили в текст другие слова⁴.

Следует отметить, что на протяжении 20–50-х гг. печатались отрывки различных рукописей, предпринимались попытки научно обоснованной транслитерации текстов, однако китаб И. Луцкевича на какое-то время вышел из научного оборота.

В 60-е гг. китабы становятся основным объектом изучения профессора Вильнюсского университета А.К. Антоновича, который с 1942 г. по 1944 г. работал в Белорусском музее им. И. Луцкевича. Именно здесь будущий ученый узнает о существовании необычайных рукописных книг на белорусском языке, записанных арабским письмом. После ознакомления с китабом И. Луцкевича А. Антонович загорелся желанием заняться изучением этих рукописей. В 1945 г. А. Антонович поступает в Вильнюсский университет на филологический факультет. Однако китабами из-за неблагоприятного отношения к этой теме он смог заняться только в 60-е гг.⁵. Монографический труд А.К. Антоновича “Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система” [1968] приносит ученому европейскую известность. Эта монография на многие годы стала настольной книгой для последующих

поколений исследователей-китабистов. В планы профессора входило издание хрестоматии с текстами XVI–XVII вв., составление словаря китабов, публикации расшифрованных текстов, с которыми могли бы работать не только лингвисты, но и историки, этнографы, фольклористы. Но этим планам не суждено было осуществиться — 17 января 1980 г. проф. А.К. Антонович скоропостижно умер. У него не осталось учеников, которые могли бы продолжить начатое им дело. И только благодаря тому, что рядом с А.К. Антоновичем в последний год его жизни оказался коллега по работе В.Н. Чекмонас, научные исследования китабов литовских татар не прервались, и традиция изучения славяноязычных арабографичных рукописей в Вильнюсском университете была продолжена [Чекмонас 1985, 99–107].

В течение последующих долгих лет никто не обращался к рукописи И. Луцкевича, и лишь в начале XXI в., в 2001–2003 гг., на филологическом факультете Вильнюсского университета перед магистранткой Сигитой Намавичюте была поставлена задача: выполнить первичную транслитерацию всей рукописи китаба. Арабские и тюркские тексты до того не транслитерировались, не были реконструированы и фрагменты текстов на испорченных временем листах. Такая реконструкция текста оказалось возможна благодаря тому, что текст китаба И. Луцкевича совпадает с текстом китаба Абрагама Карицкого (сер. XIX в.), хранящимся в рукописном отделе библиотеки Вильнюсского университета (№ F3–391).

В 2009 г. на свет появляется новая монографическая работа, посвященная китабу И. Луцкевича — “Китаб Ивана Луцкевича — памятник народной культуры литовских татар” [Miškinienė 2009]. Транслитерация рукописи кириллицей наряду с факсимильным ее воспроизведением и предлагаемыми переводами сделали рукописную книгу доступной как для специалистов-филологов, так и для ученых смежных отраслей знания, а также для всех интересующихся данной тематикой. Были транслитерированы арабская и староосманская части рукописи с использованием латинского алфавита. Перевод очень разнородного текста китаба на современный литовский и русский языки помог выявить изменения, происшедшие в языке оригинала на протяжении веков. В книге имеется указатель терминов, восточных слов (тюркизмов и арабизмов), личных имен и географических названий.

Данная работа стала своеобразным обобщением и пересмотром ранних исследований, которые чаще всего носили фрагментарный характер и множили неопределенность и недоразумения, тщательно и компетентно исправленные в новом издании. Рукопись, которая была предметом научного изучения как минимум нескольких предшественников, после

ее систематического и всестороннего изучения позволила сделать много новых и совершенно оригинальных выводов.

3. Заключение

Рассмотрев этапы исследования и значение рукописного китаба Ивана Луцкевича, можно отметить, что он по-прежнему остается неиссякаемым источником для изучения истории и особенностей письменности литовских татар. Китаб И. Луцкевича в содержательном плане можно сравнивать не только с китабом А. Карицкого, но также с Лондонским китабом и с аналогичными текстами в других китабах. Письменная традиция литовских татар сформировалась еще в XV–XVI вв., но до наших дней дошли лишь поздние списки (XVII–XX вв.) более ранних памятников. Написанные на трех, а то и на четырех языках, памятники арабографичной письменности требуют комплексного подхода при изучении.

Помимо славяноязычной части китаба, мало изученными остаются и те части рукописи, который написаны на арабском и староосманском языках. Мы должны быть признательны д-ру Хусейну Дургуту (Балыкесир, Турция), который начал исследования староосманской части легенды “Мирадж” [Durgut 2014, 167–174]. Так постепенно восполняются лакуны, что очень важно для изучения письменного наследия литовских татар. И сегодня, говоря о китабе Ивана Луцкевича и вспоминая личности замечательных ученых, занимавшихся его изучением, мы, надеюсь, можем вместе с тем говорить и о переходе к новому этапу в его изучении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О жанровых разновидностях литературного творчества литовских татар см. подробнее [Miškinienė 2001, 15].

² А.К. Антонович после сравнения почерков и установления некоторых особенностей орфографии памятников пришел к выводу, что китаб И. Луцкевича и рукопись №868 С.-Петербургского университета могли быть написаны одним и тем же писцом [Антонович 1968, 100].

³ Об особенностях структуры и содержания рукописи см. подробнее в работе [Miškinienė 2009, 35–39].

⁴ Подробнее об этом см. монографию [Мишкинене 2015].

⁵ Об А. Антоновиче подробнее см.: [Луцкевич, Войцук 2002].

ЛИТЕРАТУРА

- Антонович А.К., 1968: *Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система*. Вильнюс.
- Вольский В., 1927: Отрывок из китаба, *Узвышша* 4, 135–146.
- Гарэцкі М., 1921: *Гісторыя беларускае літэратуры*. Выданьне другое. Вільня.
- Гарэцкі М., 1923: *Хрыстаматыя беларускае літэратуры. XI век–1905 г.* Вільня.
- Карский Е., 1921: Белорусская речь арабским письмом, in *Белорусы*. Петроград, 239–240.
- Карскі Е., 1922: Беларуская мова арабскім пісьмом, *Вестник*, № 1.
- Ластоўскі В., 1926: *Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі*, Коўна.
- Луцкевіч І., 1920: Ай Кітаб (3 пасьмертнай спадчыны Івана Луцкевіча), *Наша Ніва*. Зборнік, Вільня, 28–39.
- Луцкевіч Л., Войцік Г., 2002: Антон Антонович, in *Партрэты Віленчукоў*. Рунь: Выдавецтва Беларусаў Літвы.
- Мишкинене Г., Намавичюте С., Покровская Е., 2005: *Каталог арабскоалфавитных рукописей литовских татар*. Вильнюс, 39–41.
- Мишкинене Г., Темчин С., 2013: О текстологии рукописных китабов литовских татар: Диалог пророка Мухаммеда с шайтаном, in Kulwicka-Kamińska J., Łapicz Cz. (red.), *Tatarzy Wielkiego Księstwa Litewskiego w historii, języku i kulturze*. Toruń, 211–230.
- Мишкинене Г., 2013: О текстологии рукописных китабов литовских татар: легенда *Мирадж*, *Slavistica Vilnensis (Kalbotyra 58 (2))*. Vilnius, 99–119.
- Мишкинене Г., 2014а: О текстологии рукописных китабов литовских татар: погребальный обряд (на материале рукописных источников), in Морозова Н., Чистякова М. (ред.), *Славянская письменность Великого княжества Литовского: характерные черты и специфические особенности*. Вильнюс: Институт литовского языка, 301–324.
- Мишкинене Г., 2014б: О китабе Абрагама Карицкого (особенности языка и композиции, текст погребального обряда), in Морозова Н., Чистякова М. (ред.), *Славянская письменность Великого княжества Литовского: характерные черты и специфические особенности*. Вильнюс: Институт литовского языка, 325–364.
- Мишкинене Г., 2014в: Шесть сказаний в составе китабов А. Карицкого и И. Луцкевича (сопоставительный анализ, публикация текстов), in Морозова Н., Чистякова М. (ред.), *Славянская письменность Великого княжества Литовского: характерные черты и специфические особенности*. Вильнюс: Институт литовского языка, 365–439.
- Мишкинене Г. 2015: О текстологии рукописных китабов литовских татар. Вильнюс: Институт литовского языка (в печати).
- Мухлинский А., 1857: *Исследование о происхождении и состоянии литовских татаръ*. Санкт-Петербург.
- Станкевіч Я., 1924: Адрывак з Аль-кітабу, *Крывіч* 2 (8), Коўна, 46–51.
- Станкевіч Я., Таўэрава М., 1925: Апаваданне з Аль-кітабу, *Крывіч* 1 (9), Коўна, 69–79.

- Станкевіч Я., 1933: Беларускія мусульмане і беларуская літаратура арабскім пісьмом, *Гадавік Беларускага Навуковага Таварыства*. Кн. 1 (адбітка), Вільня.
- Станкевіч Я., 1938: Мова крывіцкага /беларускага/ рукапісу XVI стаг. „Аль кітаб“, *Калосьсе* 4, Вільня, 243–252; 1, 1939, 38–46; 2, 104–112; 3, 171–175.
- Чекмонас В., 1985: Гадальная книга Ходыны (из кітаба КУ-1546), *Kalbotyra*, 36(2). Vilnius, 99–107.
- Durgut H., 2014: Linguistic Features of Mirajname Texts in Manuscripts of the Lithuanian Tatars, *Turku istorija ir kultūra Lietuvoje. Specialusis „Lietuvos istorijos studijos“ leidinys*, t. XI, VUL, 167–174.
- Fleischer H.O., 1838: Codices Arabici, Persici, Turcici, *Catalogus librorum manuscriptorum qui in Bibliotheca senatoria civitatis Lipsiensis asservantur*. Ed. Nauman A.G.R. Grimae, 450–451.
- Miškinienė G., 2001: *Seniausi Lietuvos totorių rankraščiai: grafika, transliteracija, vertimas, tekstų struktūra ir turinys*. Vilnius.
- Miškinienė G., 2009: *Ivano Luckievičiaus kitabas — Lietuvos totorių kultūros paminklas*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
- Miškiniene G., 2011: Litvanya Tatarlarına Ait El Yazmalarında Bulunan Mi'râc-nâme, *Türkiyat Araştırmaları*. Sayı 14, Bahar 2011. Ankara: Hacettepe Üniversitesi Hastaneleri Basımevi, 225–241.
- Stankevič J., 1933–1934: Příspěvky k dějinám beloruského jazyka na zaklade rukopisu „Al kitab“, *Slavia* 12(3–4), Praha, 357–390.
- Stankevič J., 1954: *Mova rukopisu Al Kitab. Kryvickaha muzeju Jvana Luckieviča ū Vilni*. Časć I. Fonetika, New York.

GALINA MISKINIENE

The significance and research stages of Ivan Lutskevich Kitab

The interest in I. Lutskevich Kitab has been taken since its discovery in 1915 in Keturiasdesimt Totoriu village. Several articles about this Kitab were published in local and foreign press. Each article that represents the content of the manuscript contains short fragments of transliterated text. The whole text of the manuscript together with facsimile and translations into Lithuanian and Russian were published in 2009 in the book called “Kitab of Ivan Lutskevich — Lithuanian Tatar cultural monument”. The Belarussian inscription in I. Lutskevich Kitab lets assume that this manuscript was created before the end of Tatar language assimilation process. At that moment, there were already such Tatars who were not able to speak their native language, but were fluent in Belarussian. Therefore, the cultural value and significance of the manuscript has increased not only among the specialists, but among those who are simply interested in it as well.

In this article, the attention is paid to the stages of the research of the manuscript and its exclusive content that allows us to entitle the manuscript as peculiar The Tatar-Muslim Catechism. Most of the Kitab’s texts are found in another manuscripts as well. Among the most relative manuscripts regarding the content could be mentioned A. Karickis (middle

of 19th century) and London's Kitabs (1831). The analysis of all the published catalogues of manuscripts in Slavic but with Arabic characters brings the possibility to select the ones that contain analogical texts. Comparison and analysis of such texts would be a great material for further textological researches.

Among researches that were exploring I. Lutskevich Kitab, Ivan Lutskevich, Jan Stankevic, Anton Antanovic, and Galina Miskiniene have to be mentioned in particular.

Keywords: Lithuanian Tatars, Kitab, I. Luckevicius, Kitabistics, content, research stages.

GALINA MIŠKINIENĖ

Ivano Luckevičiaus kitabo reikšmė ir tyrimų etapai

I. Luckevičiaus kitabu susidomėta nuo jo atradimo Keturiasdešimties Totorių kaime 1915 metais. Apie šį rankraštį buvo paskelbti keli straipsniai vietos ir užsienio spaudoje. Šiuose straipsniuose publikuoti trumpi transliteruoto teksto fragmentai, kurie geriausiai iliustravo rankraščio turinį. Visas rankraščio tekstas kartu su faksimile ir vertimais į lietuvių bei rusų kalbas paskelbtas 2009 m. knygoje „Ivano Luckevičiaus kitabas — Lietuvos totorių kultūros paminklas“. I. Luckevičiaus kitabe įrašas baltarusių kalba leidžia daryti prielaidą, kad šis rankraštis sudarytas dar nepasibaigus totorių kalbinės asimiliacijos procesui. Tuo metu jau buvo totorių, kurie nebemokėjo savo kalbos, bet puikiai kalbėjo baltarusiškai. Todėl rankraščio kultūrinė vertė ir svarba yra itin didelė ne tik specialistams, bet ir besidomintiems šiuo rašytiniu paminklu.

Šiame straipsnyje atkreipiamas dėmesys į rankraščio tyrimo etapus ir išskirtinį jo turinį, leidžiantį pavadinti jį savitu totorių-musulmonų katekizmu. Dauguma kitabo tekstų aptinkama ir kituose rankraščiuose. Tarp giminingų (turinio požiūriu) rankraščių galima paminėti A. Karickio (XIX a. vid.) ir Londono kitabus (1832 m.). Išnagrinėjus visus išleistus slavų kalbomis ir arabų rašmenimis rašytų rankraščių katalogus, galima nustatyti (atrinkti) rankraščius, kuriuose yra arba galėjo būti analogiški tekstai. Tokių tekstų palyginimas ir analizė galėtų būti puiki medžiaga tolesniems tekstologiniams tyrimams.

Tarp mokslininkų, tyrusių I. Luckevičiaus kitabą, reikia paminėti Ivaną Luckevičių, Janą Stankevičių, Antoną Antonovičių, Galina Miškinienę.

Reikšminiai žodžiai: Lietuvos totoriai, kitabas, I. Luckevičius, kitabistika, rašytiniai paminklai, LDK rankraštinio paveldo tyrimai.

Поступило в редакцию: 12 августа 2015 г.

Принято к печати: 24 сентября 2015 г.

Галина Мишкинене, доктор гуманитарных наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения письменного наследия Института литовского языка.

Galina Miškinienė, PhD (Humanities), Senior Research Fellow of the Research Centre of Written Heritage, Institute of Lithuanian Language.

Galina Miškinienė, humanitarinių mokslų daktarė, Lietuvių kalbos instituto Raštijos paveldo tyrimų centro vyriausioji mokslo darbuotoja.

E-mail: galina.miskiniene@flf.vu.lt

Книга Ивана Луцкевича (первая половина XVIII в.) из рукописного отдела библиотеки им. Врублевских Академии наук Литвы (сигнатура F 21-814).

Фото: Юстинас Лингис